

Н.В. Бугорская

Алтайский государственный университет

Еще раз о точности термина

Аннотация: В статье предпринимается попытка сформулировать разницу между значением обычного слова и значением термина.

Ключевые слова: термин, вид, точность, номинация, объект, понятие, имя.

Попытки сформулировать разницу между значением обычного слова и значением термина приводят исследователей к указанию на точность последнего. Этот вывод странным образом соседствует с сомнениями в существовании точных терминов и даже с убеждениями в иллюзорности данного требования. К примеру, Б.Н. Головин, предварительно отметив, что «исследование терминологий становится постепенно все более полным и глубоким», связывает это с тем, что «устраняются иллюзии об однозначности, точности, односложности (краткости) термина...» [Головин, 1979, с. 14]. Развивая эту мысль, исследователь приходит к выводу, что «требовать от каждого термина точности, по меньшей мере, наивно: во-первых, и слова повседневного обихода, очевидно, обладают точностью, а во-вторых, о какой точности термина может идти речь, если неточна, неясна научная идея, термином выражаемая. А таких идей в науке немало, потому что поиск истины – это, как правило, длительный процесс, включающий и отклонения в сторону, и противоречия, и логические неопределенности» [Там же, с. 15].

Иногда отсутствие у термина точности подается исключительно как характерная черта терминологии гуманитарных наук¹.

Разнобой мнений ученых по поводу точности термина заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к этой теме. Представляется, что главной причиной конфронтации исследовательских позиций, является, неопределенность самого понятия точности. Прояснение последнего входит в задачи данной статьи.

На наш взгляд, следует различать, по крайней мере, три вида точности, которые условно² могут быть названы математической, логической и лингвистической

¹ Отсюда остается один шаг до заключения, что гуманитарные науки – не науки или, по крайней мере, дефектные науки. Любопытно, что об этом заявляют сами гуманитарии. Нередко с этим «дефектом» терминологии связывают отсутствие единства определений: Так, французский языковед М. Ягелло сочувственно цитирует В. Годзиша: «Лингвистика состояла из тщетных попыток дать определение различным понятиям, единственным общим знаменателем которых являлось их сопротивление акту определения, что позволило недавно написать..., что лингвистика – это наука, которая борется со своими определениями. В самом деле, достаточно охватить взором обилие и разнообразие определений, предложенных для фонемы, слога, а недавно – для фразы, чтобы понять..., как становишься пессимистом относительно возможности определить хоть что-нибудь в лингвистике» [Ягелло, 2003, с. 13].

² Говоря об условном характере данных номинаций, мы стремились подчеркнуть, что, несмотря на явную связь с проблематикой указанных наук, отразившуюся в самом названии, было бы ошибкой полагать, что соответствующие виды точности характерны исключительно для математических, логических или лингвистических терминов. С одной сторо-

точностью. Следует оговориться, что понятие **вида** (точности) используется здесь не в строго логическом смысле. Иначе говоря, нельзя говорить о лингвистической, математической и логической точности как о видовых понятиях, подчиненных единому родовому – точности вообще, поскольку это различные вещи и объединяет их только традиция именования и общий семантический признак. Точнее было бы сказать, что это метафоры, производные от слова *точность* в обычном значении. Между тем метафорические номинации не обозначают видовые понятия¹.

В большей степени нас будет интересовать то, что мы называем логической точностью, поскольку именно она имеет прямое отношение к решению вопроса о специфике значения термина. Но чтобы подойти к понятию этого вида точности, необходимо отличить его от других толкований точности, и, прежде всего, от математического.

Представляется, что под математической точностью следует понимать возможность количественного измерения явления, обозначаемого тем или иным термином. Суть сказанного можно прояснить, если обратиться к основным физическим явлениям силы, ускорения, массы и т.п.: все они могут быть представлены при помощи величин, имеющих численное выражение, то есть могут быть измерены, переведены в количественные показатели и сравнимы по количественному критерию. Так, например, мы можем сказать, что масса или скорость одного объекта больше (или меньше) массы или скорости другого.

Математическая точность свойственна далеко не всем терминам даже тех наук, которые принято называть точными². Что касается терминов гуманитарных наук, то **в этом смысле** они, несомненно, могут быть названы неточными, однако это еще не лишает их статуса **научных** понятий. Последнее и ранее подчеркивалось некоторыми учеными. В частности Э. Косериу высказывается на этот предмет следующим образом: «Нередко высказывается желание преобразовать науки о культуре (в том числе лингвистику) в «точные науки», причем под последними понимаются физические науки. Однако на самом деле определенная наука является точной не потому, что она физическая наука, а потому, что она соответствует природе *своего* объекта; именно этот принцип и следует заимствовать у физических наук. Науки о культуре обладают точностью особого типа, и уподоблять их физическим наукам (обладающим точностью другого типа) – это значит превратить их не в «точные», а, наоборот, в неточные науки, т.е. в лженауки» [Косериу, 1963, с. 272–273]. А Д.Н. Шмелев даже делает попытку развести различные понятия точности терминологически, называя математическую точность *строгостью* и указывая, что математизация «неопределенных лингвистических фактов языка является пустым занятием» [Шмелев, 1973, с. 32].

Логическое и лингвистическое толкование точности привязаны к исходной схеме **объект – понятие – имя**, и фиксируют два разных соотношения.

ны, они могут характеризовать термин любой науки, но, с другой, – могут и не быть одновременно присущи всякому термину

¹ В свое время на это обстоятельство указывал отечественный философ Г.Г. Шпет, подчеркивая, что следствием его недооценки является логическая ошибка: «Имея дело с омонимами, начинают искать их *общее* значение или *общий* источник. Психологически или лингвистически, может быть, такой вопрос не лишен интереса, но логически он парадоксален. Логически обобщение допускается как подведение под один род видов, естественно, обозначенных разными именами. Но как понимать обобщение, подводящее разные, но одинаково именуемые вещи под один род? Омонимы не должны быть обобщаемы, а должны быть различаемы и детерминированы; значение каждого имени должно строго ограничиваться; значение, на которое мы обобщаем внимание, должно быть выделено и строго фиксировано» [Шпет, 1994, с. 20] (здесь и далее выделено нами. – Н.Б.).

² Хотя само название *точные науки*, по-видимому, устанавливается со ссылкой на этот вид точности.

С лингвистическим пониманием точности связано соотношение **понятие – имя**. Здесь точность осмысливается как максимальное соответствие выбранного имени существующему понятию, иначе говоря, как точность выражения. Можно сказать, что эта проблематика отчасти наследует картезианской идее ясности, очевидности понятий. В идеале термину предназначалось быть таким, чтобы сразу стало понятно, о чем пойдет речь.

В рамках реализации логиками программы языкового строительства точность выражения связывалась с постоянством, однообразием выражения: «Современная формальная логика стремится к возможно большей точности. Эта цель может быть достигнута только с помощью *точного языка, построенного из устойчивых, наглядно воспринимаемых знаков* (курсив наш. – Н.Б.). Такой язык необходим для любой науки. Наши собственные мысли, не оформленные в словах, являются для нас же самих почти непостижимыми; не выраженные же мысли других людей могут быть доступны только для ясновидца. Каждая научная истина, для того чтобы быть воспринятой и удостоверенной, должна быть воплощена в понятную для каждого внешнюю форму. Все эти утверждения представляются неоспоримой истиной. Современная формальная логика, следовательно, уделяет огромное внимание точности языка. То, что называется формализмом, есть следствие этой тенденции» [Лукаевич, 1959, с. 52].

По мере того как философы отходили от идеи универсальности формальных (символьных) языков и обращались к анализу естественного языка, проблема точности выражения приобретала иной вид.

Наиболее детально эта проблематика разрабатывалась лингвистами, поскольку напрямую была связана с привычным для лингвиста занятием – анализом семантических отношений (этимологических, словообразовательных) между лексическими единицами. Данная проблема была поставлена как проблема критериев выбора наиболее подходящего названия для того или иного понятия и решалась в основном в аспекте словообразования (ср.: «Правильное использование словообразовательных средств в значительной степени обеспечивает точность термина» [Суперанская, 1989, с. 62]). Одним из решений данной проблемы, к примеру, является рекомендация использовать однокоренные модели при образовании однокоренных терминов. В рамках данного проблемного поля также затрагивался вопрос о целесообразности / нецелесообразности использования мотивированных терминов¹.

Императив лингвистической точности термина реализуется в ослабленной форме. Тому причиной отсутствие четких критериев оптимальности номинации (предпочтения той или иной часто является делом традиции или вкуса) и, как следствие, «репутация» бесплодного спора у «споров о словах» в рамках научного сообщества. Однако при этом обсуждению терминологических вопросов в данном ракурсе в научных работах подчас отводится специальное место. Более того, иногда анализ семантических связей термина имеет решающее значение для обнаружения логических погрешностей рассуждения, выявления причин категориальных ошибок².

¹ Иногда, впрочем, встречаются и «количественные» трактовки точности, связанные с возможностью измерений субстанциональной основы термина. Например: «Точность: длина термина должна быть достаточной для обозначения каждого понятия и выделения его из ряда смежных или подобных» [Суперанская, 1989, с. 131].

² Так, к примеру, Д.С. Лихачев, указывая на недостатки текстологической методики К. Лахмана, в соответствии с которой **редакции** всегда предшествуют **видам** текста, отмечает, что «такое деление редакций в стеммах не обращало на себя внимание как ненормальное» по причине использования популярного термина *генеалогическое древо*, сравнения генеалогических схем с деревьями. «Для дерева же вполне естественно, что мелкие ветви растут из более крупных. Однако в истории текста произведений этой последовательности наблюдать нельзя» [Лихачев, 2001, с. 28].

Логическая точность характеризует другое звено ранее приведенной исходной триады, а именно – соотношение **объект – понятие**, иначе говоря, квалифицирует отношение мысли (понятия) к действительности.

В традиции логической интерпретации точность чаще всего связывается с операцией отграничения данного объекта от смежных с ним, то есть с логической операцией определения и отождествлялась с определенностью. Отсюда неопределенность часто толкуется как неточность и наоборот, а уточнение связывают с процедурой определения.

Существование терминов-синонимов (точность и определенность) всегда отмечено стремлением семантически их развести, поэтому точность и определенность часто соотносили с различными аспектами понятия, каковыми являются объем и содержание. При этом точность чаще коррелировала с объемом, а определенность с содержанием¹.

Иногда точность «включала» в себя определенность и точность в узком смысле (как характеристику объема понятия): «Под точностью понятия мы будем разуметь такое свойство его, при котором оно точно ограничено по своему объему и вполне определено по содержанию» [Татионов, 1996, с. 23].

Реже в определении термина совмещались представления о лингвистической и логической точности, при этом, как правило, сам термин *точность* оставался за одним из понятий, другое же именовалось иначе, чаще как *определенность*: «В “Логическом словаре” Н.И. Кондакова термин определяется как слово или словосочетание, являющееся точным названием строго определенного понятия» [Суперанская, 1989, с. 96]. Показательно в этом примере то, что логическое отношение здесь обозначается термином *определенность*.

Словом, понятия точности и определенности разведены скорее номинально и, взаимно заменяя друг друга, постоянно отождествляются. Возможно, причиной тому послужила смежность и даже неразличимость процедур определения и уточнения, часто идущих рука об руку в высказываниях логиков. Так, к примеру, Д.П. Горский говорит, что «важнейшим способом уточнения знания **является процесс определения**» [Горский, 1966, с. 357] (выделено нами. – Н.Б.).

Однако есть основания полагать, что эти понятия определенности и точности все же не тождественны. Определенности противостоит неопределенность, смутность понятия, когда есть некое понятие о предмете, но оно не эксплицируется в виде признаков, с наличием которых принято связывать определенность. Часто неопределенными бывают житейские понятия. К примеру, если дикарь из экзотического племени познакомился с некоторыми предметами цивилизованного быта, то он наверняка имеет некое понятие о стуле, используя тот по назначению. Но этого недостаточно, чтобы это понятие признать определенным, поскольку для этого туземец должен проделать известную логическую операцию².

¹ У некоторых авторов определенность фигурирует под другим названием – *ясность*: «Ясность – характеристика термина (понятия) с точки зрения определенности, отчетливости его смысла. Понимание термина, успешная его интерпретация предполагают знание его смысла и его денотации, т.е. класса тех объектов, к которым он отсылает. Если этот класс является четко очерченным и складывается из хорошо специфицированных объектов, о термине говорят, что он *точен*. Если смысл термина определен отчетливо и однозначно, термин называется **содержательно ясным** или просто **ясным**» [Ивин, Никифоров, 1998, с. 382–383].

² Определение через ближайший род и видовое отличие, которое включает две последовательных операции: подведение под родовое понятие и указание на видовые отличия (спецификацию). Родовое понятие своим объемом задает круг объектов, с которыми должно быть произведено сравнение определяемого объекта, чтобы определение было исчерпывающим. Скажем, в состав существенных признаков, образующих понятие «стул», включается родовый признак – *предмет мебели, предназначенный для сидения*, а спецификация осуществляется в отношении к прочим предметам мебели для сидения, например, табурета

Конечно, неопределенное понятие нельзя назвать точным, однако и по отношению к определенному понятию не всегда уместно такое употребление. Дело, по-видимому, в том, что определенность указывает на факт наличия определения в вышеупомянутом смысле, точность же является оценочным предикатом. Поясняя мысль, приведем фрагмент рассуждений Д. Дидро: «Если первопричина заблуждения кроется в ошибочности идей или в *неправильно определенных идеях*, то источник истины должен находиться в *правильно определенных идеях*. Доказательство тому – математика. В какой бы области не встретились *точные идеи*, но раз такие идеи имеются, их всегда окажется достаточно для различения истины. Если же, напротив, мы не располагаем *точными понятиями*, напрасны будут все наши старания и осмотрительность, мы всегда окажемся в замешательстве. Даже в арифметике можно сбиться, если не иметь *совершенно определенных понятий* (курсив мой. – Н.Б.)» [цит. по: Рожанский, Шмидт, 2001, с. 65].

Как видим, точность здесь связывается не с определенностью вообще, а с **правильной** определенностью. Иначе говоря, вполне определенные понятия могут быть оценены как более или менее точные. Можно сказать, что логическая точность это качественный показатель (в отличие от количественной математической точности).

Истолковывая точность как оценочное понятие, мы подходим к вопросу об эталоне сравнения. В отношении к чему одно понятие может быть названо более, а другое менее точным?

Если опереться на доступный пример, то можно уподобить данную ситуацию оценке двух портретных изображений одного лица. О том изображении, которое в большей степени соответствует оригиналу, говорят, что оно более точно.

Таким образом, точность термина должна выступать как адекватность мысли самому объекту мысли (реальной действительности). На этом вопрос о логической точности был бы исчерпан, если бы не то обстоятельство, что сама эталонная реальность, необходимая для сравнения понятий, отсутствует, иначе говоря, не дана «сама по себе». О таком сравнении еще можно вести речь, когда дело касается материальных объектов и образов восприятия. Но большая часть терминов не имеет материального прототипа и не является результатом чувственного восприятия, а представляет собой теоретические конструкты, продукт абстрагирующей работы ума¹, и составляет то, что в философии и науке начиная с XX века принято называть *научной реальностью*.

и кресла. По отношению к табурету стул специфицируется как *имеющий в своей конструкции вертикальную плоскость для опоры спины*, а по отношению к креслу как *не имеющий горизонтальных опор для рук*. Обозначенные признаки в совокупности и составляют содержание понятия.

¹ Игнорирование произошедших в XX веке изменений в представлениях о характере познания и приверженность классической сенсуалистской модели познания приводит к тому, что борьба за точность оборачивается борьбой против абстракций, а точность, следовательно, истолковывается как конкретность. Так, авторы коллективной работы [Соловьев, 1971] находят выход в том, чтобы исключать из научного рассмотрения огромный класс абстрактных понятий с нулевым объемом и безграничным содержанием, например, религиозно-идеалистические (бог, душа, дух, абсолютная идея) и класс мнимых категорий с безграничным объемом и нулевым содержанием, например экзистенция у экзистенциалистов, духовность у неопозитивистов и неотомистов и т.д. [Там же, с. 368]. Таким образом, наука должна быть ориентирована на использование конкретных понятий с узким объемом и широким содержанием. Но устранения предельных абстракций еще не достаточно. Чтобы сформировать точный и однозначно истолковываемый термин, «необходимо избранное конкретное понятие дополнительно ограничить по содержанию», т.е. свести содержание к минимуму свойств и качеств [Соловьев, 1971, с. 369].

Бессспорно, оперирование абстракциями в процессе рассуждения требует большего воображения, что создает условия для их разночтения, однако точность термина вряд ли можно отождествлять с конкретностью его значения. И хотя с точки зрения агностической

Однако для интерпретации точности как соответствия мысли реальности замена понятия *объективная реальность* понятием *научной реальности* оборачивается замкнутым кругом, поскольку тот ментальный конструкт (научное понятие) и представляет собой научную реальность, а потому сама идея сравнения его с самим собой явно абсурдна. Итак, по отношению к чему устанавливается точность понятия?

Надо сказать, что с определенного времени в научный обиход вошло понятие относительной точности. Современный отечественный логик и философ М.М. Новоселов, указывая на многозначность слова *относительность*, говорит о необходимости различения трех значений:

1) относительность как результат сравнения: все познается в сравнении и в отношении одного к другому;

2) относительность как приблизительность знания: суждение может оказаться ошибочным, если познание пойдет дальше;

3) относительность наших знаний от принятой точки зрения, системы отсчета, от положения наблюдателя [Новоселов, 2000, с. 24].

В первом значении относительность неприменима к точности. Обычно, говоря об относительной точности, имеют в виду второе значение слова относительность. Это положение основывается на тезисе об относительности наших знаний, принципиальной недостижимости абсолютного знания. В этом смысле относительная точность должна означать приблизительность наших представлений о действительности. В связи с этим общим метафизическим посылом ссылки на относительность знания выступают как извинительное обстоятельство тому, что в той или иной (гуманитарной) науке отсутствуют четко определенные понятия. Эта позиция представлена, к примеру, в следующем высказывании: «Признание таких понятий, как «сфера деятельности», «сфера общения», терминами требует их недвусмысленного, точного толкования, однако в настоящее время отсутствует четкая их дефиниция, что в определенной мере является свойством многих общенаучных терминов гуманитарных областей знания» [Аликаев, 1999, с. 19].

Относительно такого рода «допущений» мы разделяем позицию М.М. Новоселова: «Я всегда считал, что истина либо есть, либо ее нет. И если я говорю, что “это истина, хотя и не вся истина”, то это только *façon de parler*, а во все не убеждение в существовании неких «полуистин». Я понимаю интуитивистов, когда речь идет о неразрешимости и неустановимости истинностных значений высказываний. Но ведь при этом... речь не идет о каком-либо третьем значении истинности – о чем-то, что не истинно и не ложно, а приблизительно истинно, скажем на одну треть» [Новоселов, 2000, с. 4]. В противовес устоявшемуся выражению *относительная точность*, которое по сути порождено тем же стремлением сравнивать несравнимое – действительность и мысли о ней, М.М. Новоселов вводит выражение *гносеологическая точность*. Последнее, очевидно, опирается на третьего рода относительность наших знаний, то есть зависимость их «от принятой точки зрения», или, иначе говоря, от конфигурации проблем, задающих смысловое поле теории.

Именно эта зависимость и является, с нашей точки зрения, тем отношением, которое должно фиксироваться понятием «точность». Иначе говоря, под точностью мы понимаем адекватность термина как инструмента научного познания тем задачам, для решения которых он создан. Отсюда и процедура уточнения (тесно связанная с процедурой определения) заключается в приведении в соответствие

парадигмы «всякая абстракция есть «упрощение», «огрубление», «омертвление» действительного положения вещей» (М.М. Новоселов), другого способа освоения мира мы не имеем. Поэтому, по-видимому, пора оставить тему о вреде абстракций и перейти к детальному обсуждению вопроса о том, как из них извлекается польза.

содержания термина характеру поставленных задач. Эта зависимость отмечается и другими учеными: «В связи с *конкретизацией* поставленных задач нам приходится менять, *развивать наши формализации, уточнения*. Так как в процессе формализации, уточнения мы отвлекаемся от многого из того, что при прогрессе науки и обогащения наших знаний о мире может стать весьма существенным, нам приходится вновь изменять, уточнять наши уточнения, наши формализации» [Горский, 1966, с. 360].

Один из наиболее важных способов уточнения смысла выражений, по словам С.А. Яновской, связан с «расщеплением понятий (на два или большее их число) в соответствии с различными возможными оттенками [Яновская, 1959, с. 11]. Чаще всего такая необходимость возникает, когда в своих теоретических построениях отталкиваются от неких смутных, но привычных (житейских) понятий. «Когда какой-либо термин из обывденной лексики переходит в научную, значение этого термина обычно уточняется и даже переосмысливается. В повседневном обиходе крайне редко требуется такая осторожность выражений, которая превращала бы само «слововыражение» в проблему. Между тем наука особенно нуждается в таких превращениях. Но превратить значение слова в проблему – значит однажды не поверить в это значение или же усомниться в нем, как это сделал, например, Альберт Эйнштейн, усомнившись в ясности обывденного и классического значения слова «одновременность». Потребность в семантическом уточнении значения понятий путем «расщепления» их содержания – это естественное следствие растущей концептуализации научного опыта, обусловленной его разнообразием и определенным «ростом различимостей» в мире этого опыта. Именно рост различимостей приводит к необходимости понятийной детализации научной терминологии. Причем до поры до времени такая детализация идет как бы исподволь и целиком в сфере понятийного, а не языкового материала – и новые и старые значения актуализируются в одном термине» [Новоселов, 2005, с. 30]. Таким образом, уточнение связано с различением одноименных сущностей.

Введение понятия гносеологической точности, на наш взгляд, полезно для ослабления жесткости противопоставления обывденного и научного языка. Это противопоставление часто входило в противоречие с утверждениями о том, что слова обычного языка также бывают точны, с одной стороны¹. А с другой – с признанием того, что в структуре теории присутствуют «нестрогие, опытным путем устанавливаемые значения слов естественного языка»² [Горский, 1966, с. 360]. Понятие гносеологической точности избавляет от задачи тотального определения всех значений слов, которая ввергает исследователя в регресс в бесконечность или уподобляет гашековскому полковнику фон Циллергуту³, поскольку оставляет

¹ Например, Б.Н. Головин справедливо замечает, что «слова повседневного обихода, очевидно, обладают точностью» [Головин, 1979, с. 15].

² Подчеркнем, что здесь идет речь не о смутных, а о вполне ясных понятиях, не нуждающихся в строгом определении. Иногда же попытка поставить под сомнение необходимую точность научных понятий реализуется ссылкой на то, что научное познание «отталкивается» от неясных идей. Однако суть научного исследования и заключается в том, чтобы неясное сделать ясным. «Первая вспышка “интуиции” представляет собой не конец, а начало работы философа. Она дает исходную идею, но чтобы эта идея получила признание, она должна быть точно сформулирована в терминах некоторой системы и включена в нее без противоречий». [Кюнг, 1999, с. 124]. Допущение неясных, неопределенных понятий в структуре научной теории основано на неоправданном смешении логики познания и логики изложения. Как правило, ученый не воспроизводит для широкой публики сам процесс своего познания, свои сомнения и неудачи, он отчитывается о результатах. Предполагается, что все неясности он для себя прояснил.

³ Персонаж романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» полковник Фридрих Краус фон Циллергут страдал манией все объяснять: «Дорога, по обоим сторонам которой тянутся канавы, называется шоссе. Да-с, господа. Знаете ли вы, что такое канава?

право быть точным за всяким понятием, если оно не является препятствием ясности изложения.

У известного английского философа и математика Б. Рассела есть одно образное сравнение процесса познания с процессом разглядывания: «Мне представляется, что философское исследование, насколько я могу об этом судить, исходит из странной неудовлетворенности духа, который с полной уверенностью что-то чувствует, но не может сказать, откуда берется эта уверенность. При более пристальном внимании процесс оказывается точно таким, как разглядывание некоторого предмета в плотном тумане: сначала видишь какую-то неопределенную тень, но когда подходишь ближе, начинают проявляться отдельные детали, и вдруг открывается, что это мужчина или женщина, лошадь или корова, или что-либо еще». Продолжая это сравнение, можно пояснить понятие гносеологической точности следующим образом. Если для начинающего водителя стоит задача выбрать из двух более удобную дорогу, то ему, чтобы вовремя свернуть, достаточно убедиться, что на одной из дорог находится «что-то еще», если для того, чтобы заранее снять шляпу для приветствия, нам достаточно удостовериться, что перед нами человек, а не корова, при этом не придавая значения половым различиям, то для того, чтобы избежать встречи с человеком, у которого год назад занял деньги и не собираешься отдавать еще год, необходимо не только произвести половую идентификацию, но и выяснить, нет ли у идущего навстречу противной мины кредитора».

Как «работает» понятие точности в научном дискурсе, можно продемонстрировать на примере сопоставления двух типов задач и соответствующих им типов различий.

Одним из практических эффектов лингвистики является составление разного рода словарей, лексикографическая работа. Именно эта практическая потребность во многом стимулировала развитие лингвистики, определяла ее ценностные позиции и терминологический аппарат. Композиционные проблемы¹ словарного текста, поиск принципов объединения лексических единиц, с одной стороны, вызвали к жизни понятие «полисемия», а с другой – предопределили необходимость различения полисемии и омонимии.

Однако привычное для лексикографов различение полисемантов и омонимов нерелевантно для тех, кто ставит перед собой коммуникативную задачу². Иначе говоря, для того, кто строит высказывание или воспринимает высказывания другого, одинаково неприемлемой будет подмена одного понятия другим, вне зависимости от того, считаем ли мы их закрепленными за особыми словами или же значениями одного и того же слова.

В этом отношении показательны рассуждения Г.Г. Шпета: «Наше мышление нередко попадает в беду. Язык наш – враг наш. Почти за каждым высказываемым или воспринимаемым словом таится, как в засаде, *омонимия*. Мысля, и в особен-

Канава – это выкопанное значительным числом рабочих углубление. Да-с. Копают канавы при помощи кирок. Известно ли вам, что такое кирка?»; «Книга, господа, это множество нарезанных в четвертку листов бумаги разного формата, напечатанных и собранных вместе, переплетенных и склеенных клейстером. Да-с. Знаете ли вы, господа, что такое клейстер? Клейстер – это клей» и т.д.

¹ Композиция словарного текста связана со способами объединения лексических единиц и порядком их расположения. Справочный характер словарного жанра, предопределяющий алфавитный порядок расположения текстовых единиц, обуславливает исключительную значимость материальной стороны слова, организующей основную композиционную единицу словарного текста – словарную статью.

² Это, конечно, не стоит расценивать как утверждение о бесплодности, неинформативности различения омонимов и полисемантов: под определенным углом зрения характер организации и наполнения словарных статей выступает надежным источником при изучении языкового сознания, степени этимологической рефлексии носителей языка.

ности выражая свои мысли, мы других не можем обеспечить от ошибок понимания, а сами впадаем в ошибки выражения» [Шпет, 1994, с. 20]. Под омонимами же Г.Г. Шпет имеет в виду то, что в лингвисту привычнее считать полисемантами (речь ведется об омонимии философского термина *Я*). Впрочем, сам философ, сознательно не различает эти явления, говоря то об омонимии, то о многозначности (полисемии) термина *Я* [Шпет, 1994, с. 21–23].

В заключение всего сказанного подчеркнем, что утверждение о неточности гуманитарных наук ни в коем случае не должно быть истолковано как оправдание наличия в структуре рассуждений неопределенных, смутных или многозначных терминов. Не обладая математической, а подчас и лингвистической точностью, термины любой, гуманитарной или естественной, науки тем не менее должны сохранять логическую определенность и гносеологическую точность. Попытки легитимировать использование смутных понятий в науке ссылкой на гуманитарность последней вряд ли должны приветствоваться.

Литература

- Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999.
- Головин Б.Н. Роль терминологии в научном и учебном общении // Термин и слово. Горький, 1979.
- Горский Д.П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики. М., 1966.
- Ивин А.А. Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997.
- Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963.
- Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999.
- Лихачев Д.С. Текстология. СПб., 2001.
- Лукаевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959.
- Новоселов М.М. Логика абстракций. (Методологический анализ). М., 2000. Ч. I.
- Новоселов М.М. Абстракции в лабиринтах познания. (Логический анализ). М., 2005.
- Рожанский М.Я. Что я могу знать? Иркутск, 2001.
- Соловьев В.Д. К вопросу об определении термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. М., 1971. Ч. 2.
- Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989.
- Татаринов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. М., 1996. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Шпет Г.Г. Философские этюды. М., 1994.
- Ягелло М. Алиса в стране чудес. М., 2003.
- Яновская С.А. Предисловие // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.